

РОСТОВО-ЯРОСЛАВСКИЙ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

С О О Б Щ Е Н И Я
РОСТОВСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК VI

Ростов, 1994 г.

ББК 78.381

С 63

Сообщения Ростовского музея: Выпуск 6. —
Ярославль: Фонд гражданских инициатив «Со-
действие», 1994. — 256 стр.

С $\frac{4400070000-003}{M798 (03)-94}$ без объявл.

© Ростово-Ярославский архитектурно-художественный
музей-заповедник, 1994.

ISBN 5-85975-029-3

МОНАШЕСКОЕ ИМЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И ТРАДИЦИИ МОНАШЕСКОГО ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

С. В. Сазонов

С конца XII в. среди русских князей начинает распространяться обычай предсмертного пострижения в монахи. Первым князем, о предсмертном пострижении которого нам известно из летописей, является Святослав Всеволодович Киевский (+1194 г.)¹. Первой женщиной, принявшей предсмертный постриг, стала его мать (+1179 г.)². До катастрофы 1237 г. известно о пятнадцати подобных фактах. Во второй половине XIII в. их количество резко уменьшается. Однако в 1263 г. предсмертный постриг в монахи принял человек, ставший центральной фигурой этого периода — Александр Невский.

В современных месяцесловах указывается монашеское имя Александра Невского — Алексий³. Однако, обратившись к источникам XIII—начала XVI вв., — летописям и ранним редакциям Жития Александра, мы обнаружим, что монашеское имя этого князя здесь вообще отсутствует. Оно имеется лишь во Владимирской редакции Жития, написанной в середине XVI в.⁴. Другие редакции Жития и некоторые летописи, так-

же приводящие это имя, восходя, в данном случае, к Владимирской редакции⁵.

Это обстоятельство вызывает ряд вопросов. Первый из них — о причинах отсутствия монашеского имени Александра Невского в наиболее ранних и, соответственно, наиболее достоверных источниках. Первоначальная редакция Жития Александра теснейшим образом связана с летописями. Именно в летописях дошли до нас ее древнейшие списки⁶. Логичным будет выяснить, как же отразились в летописях монашеские имена других князей. Обратившись к известиям о предсмертных княжеских пострижениях XII—XV вв., мы увидим, что в летописях достаточно регулярно указываются монашеские имена женщин. Так, из четырех известий домонгольского периода о пострижениях княгинь, три упоминают их монашеские имена⁷. Встречаются такие имена и в известиях послемонгольского периода. Но монашеские имена князей в соответствующих известиях летописей отсутствуют⁸. Впервые такое имя находим только под 1383 г., в известии о смерти Дмитрия Константиновича Суздальского⁹. Как видим, летописцев конца XII—XIV вв. не интересуют монашеские имена князей, они не считают нужным указывать их на страницах летописей. Не останавливаясь сейчас на причинах этого явления, отмечу, что это наблюдение, как кажется, объясняет отсутствие монашеского имени Александра Невского в ранних источниках. Вероятнее всего это имя также не было занесено в летописи и связанные с ними ранние редакции жития их составителями. Точно также в летописи не было занесено имя другого святого князя, умершего в XIII в. — Федора Ростиславича Черного¹⁰. Нет его и в современных месяцесловах¹¹.

Однако монашеское имя Александра Невского, в отличие от монашеского имени Федора Ростиславича, все же появляется в произведении середины XVI в. — Владимирской редакции его Жития. В чем же причина его появления? Как показывают наблюдения над летописями, с рубежа XIV—XV вв. в них начинают с регулярностью появляться монашеские имена князей¹². Это может свидетельствовать об определенном переломе в общественных настроениях. Видимо такие сведения отвечали какой-то общественной потребности. С этой общественной потребностью связано, вероятно, и появление монашеского имени Александра Невского во Владимирской редакции Жития. Но где же нашли владимирские

книжники это имя, если оно отсутствовало в летописях и ранних редакциях Жития?

Автором этой редакции Жития был владимирский книжник¹³; возможно происходящий из Владимирского Рождественского монастыря, где был похоронен Александр Невский¹⁴. Поэтому трудно исключить возможность, что в этом городе, в этом монастыре, так тесно связанных с именем Александра Невского, могли сохраниться сведения о его монашеском имени. Именно этими сведениями, три века оставшимися не востребованными, и мог воспользоваться владимирский книжник¹⁵. Однако в аналогичном случае книжники Ярославского Спасского монастыря XV—XVI вв. так и не смогли указать монашеское имя своего святого — Федора Ростиславича Черного, хотя Федор Ростиславич умер даже несколько позже Александра Невского, в 1299 г. Очевидно, что монастырские источники такого рода сведений весьма ограничены.

Еще большие сомнения порождают наблюдения над традициями монашеского имянаречения в средневековой Руси. Весьма важным в этом отношении представляется текст, имеющийся в Житии Сергия Радонежского. Рассказывая о пострижении юноши Варфоломея, автор отмечает: «И наречено бысть имя его въ мнишеском чину Сергий: тако бо тогда нарицаху сплоха имена, не съ имени; но въ же день, аще котораго святого память прилучашеся, в то имя прорицаху постригающемуся имя»¹⁶. Таким образом, писавший в начале XV в. автор этого произведения фиксирует существенные для нас изменения в традиции монашеского имянаречения. По его наблюдениям во времена пострижения юноши Варфоломея, т. е. в середине XIV в., монашеское имя нарекалось по памяти святого, приходящейся на этот день. Для автора такое имянаречение сделано «сплоха», оно его уже не устраивает. Монашеское имя должно быть наречено, по его мнению, «с имени», т. е. в соответствии с первой буквой имени постригающегося. Судя по тому, что автор Жития Сергия счел необходимым объяснить читателю причины неправильного, «сплоха», имянаречения своего героя, новый принцип имянаречения, «с имени», стал в начале XV в. доминирующим.

Обращение к другим источникам подтверждает эти выводы. В тех случаях, когда нам известны и мирские, и монашеские имена людей, живших до середины XIV в., они, как правило, не начинаются с одной буквы. Княгиня Ольга Юрьевна (+1183 г.) приняла монашеское имя Ефросинья. Мать

Александра Невского, Феодосия, перед смертью, в 1244 г., приняла монашеский постриг с именем Ефросинья. Мирское имя митрополита Алексея — Симеон или Елевферий. Княгиня Александра, жена Ивана Ивановича Московского (+1364 г.) приняла монашеское имя Мария. Василиса, вдова князя Андрея Константиновича Суздальского, около 1364 г. приняла монашество с именем Феодора¹⁷. Этот список может быть продолжен. Самые поздние из перечисленных здесь пострижений приходятся на 1364 г. А уже в 1374 г. последний московский тысяцкий Василий Вельяминов умер с иноческим именем Варсонофий¹⁸. В 1383 г. умирает князь Дмитрий Константинович Суздальский. Его имя в крещении было Фома, а в монашестве — Феодор¹⁹. В 1389 г. умирает вдова князя Андрея Ивановича Марья, приняв иноческое имя Марфа²⁰. Умерший в 1390 г. некий Иван Родионович принял монашеское имя Игнатий²¹. Михаил Александрович Тверской в 1399 г. принимает монашеское имя Матфей²². Как видим, перечисленные здесь монашеские имена, принятые до 1364 г., не совпадают своей первой буквой с мирскими. Видимо они наречены по памяти святого, приходящейся на день пострижения. Монашеские имена, принятые начиная с 1374 г., наречены «с имени», т. е. начинаются с той же буквы, что и мирское имя. В начале XV в. по тому же принципу нарекаются монашеские имена ростовских князей²³. В дальнейшем наречение монашеского имени «с имени» мирского становится повсеместным. Таким образом, перемена в традиции монашеского имянаречения, отмеченная автором Жития Сергия Радонежского, подтверждается наблюдениями над летописными и другими источниками. Судя по приведенным выше летописным данным, перелом наступает между 1364 г. и 1374 г. Чем же вызвано это явление?

Епифаний Премудрый не первый современник, обративший на это внимание. В 1381—1382 гг. игумен Афанасий Высоцкий «вопросил» митрополита Киприана «о неких потребных вещах»²⁴. Среди прочего Афанасия беспокоил и вопрос о монашеском имянаречении. В своих «Ответах» Киприан пишет: «Егда же ли чернца пригодится стричи и имя ему нарицати, несть въ семь узаконано, еже или дни того святого имя нареши, или паки и съ мирьского имяни, но якоже игумень въсхощетъ и повелить»²⁵. Таким образом изменение традиции имянаречения не было связано с какими-либо каноническими установлениями. Не связано оно и с деятельностью высших церковных властей: инициатива постановки

вопроса об этом, как мы убеждаемся, идет «снизу», и Киприан оставляет решение на волю игумена. В летописи под 1371 г. упоминается приезд на Русь из Иерусалима «некоторого митрополита, именемъ Германъ... милостыня ради»²⁶. Этот год приходится как раз на тот десятилетний промежуток, в течение которого фиксируется перелом в традиции имянаречения. Не исключено, что новая традиция была воспринята на Руси именно от этого церковного иерарха.

Но и эта догадка оставляет чувство недостаточности. Восточнохристианское влияние, хотя оно и не исключено, никак не объясняет ту быстроту, с которой вошли в жизнь эти перемены. Как показывают приведенные выше летописные данные, новая традиция имянаречения в течение трети века распространилась в крупнейших центрах Средней Руси: в Нижнем Новгороде, Москве, Твери, Ростове. Выбор принципа наречения монашеского имени был оставлен Киприаном на волю игуменов, но игумены с поразительным единодушием отказываются от старой традиции и утверждают новую. Это совпадает по времени с началом систематического указания летописцами монашеских имен князей. Причем опять-таки такие имена указывают летописцы не одного центра, а по крайней мере трех: Москвы, Твери и Ростова. Видимо эти, «с имени», монашеские имена интересуют летописцев гораздо больше, чем нареченные в соответствии с более ранней традицией. Очевидно для русских людей рубежа XIV—XV вв. новая традиция имянаречения имела какое-то принципиальное, существенное отличие от старой. Если толчком к ее появлению и стало влияние православного Востока, то причины столь быстрого распространения следует, вероятно, искать в местной почве.

Показательно сравнение традиций монашеского имянаречения с общими тенденциями изображения человека в древнерусской литературе. По наблюдениям Д. С. Лихачева, в произведениях стиля монументального историзма XI—XIII вв., к которым относится и летопись, «изображения людей статичны и монументальны, напоминают собой геральдические фигуры»²⁷. Человек рассматривался главным образом с точки зрения того официального положения, которое он занимал в феодальной иерархии. Князь изображался исходя из идеального образа князя, представители духовенства — исходя из идеального образа священнослужителя. Эти образы четко отделены друг от друга и никогда не смешиваются²⁸. Внутренняя жизнь человека при этом как-бы терялась, отступала на

дальний план. «Индивидуальность человека оказывалась полностью подчиненной его положению в феодальном обществе»²⁹. Думается, что именно с таким, официальным, эмблематичным способом изображения (а значит, в какой-то степени, и восприятия) человека можно сблизить раннюю традицию монашеского имянаречения.

Пострижение в монашество традиционно связано с представлением о смерти старого человека и рождении нового³⁰. Именно с такими представлениями связана, вероятно, ранняя традиция монашеского имянаречения. Монашеское имя, данное по памяти святого, приходящейся на день пострижения, избирается по тому же принципу, что и имя, которое дается при крещении. Оно актуализирует момент перелома судьбы человека, отделяет «нового» человека от «умершего» «старого» непреодолимой границей. Летописца, вероятно, интересовала не судьба данного человека вообще, а его судьба в конкретной социальной роли — роли князя. Предсмертное пострижение в монахи и смерть сливаются для летописцев XII—XIV вв. в один момент («Престави ся князь имярек в чернцех и в скиме»), хотя день пострижения и день смерти часто разделяло значительное время. (Так, тверской князь Михаил Александрович умер в 1399 г. через 8 дней после пострижения в монахи³¹). Но земная жизнь князя-монаха (или монаха-князя) уже не интересует летописцев, лежит за пределами той границы, которую они неосознанно для себя устанавливают. За этой границей остается и его монашеское имя. Смерть князя происходит для летописца в тот момент, когда тот постригается в монахи, несмотря на то, что в этот момент исчезает только князь, но продолжается земная жизнь индивидуума.

Существенные перемены происходят в литературе второй половины XIV—начала XV вв. «Главная черта этого периода — рост личностного начала»³². В литературе и искусстве этого времени проявляется повышенный интерес к внутренней жизни человека, к его индивидуальности, к изменениям, происходящим в человеке, причем «смены душевных состояний» происходят для писателя этого времени очень быстро, одномоментно, без особого психологического обоснования³³. В этой связи стоит обратить внимание на то, что новая традиция имянаречения в чем-то очень схожа с этими общими тенденциями в культуре. Уже только одно указание монашеского имени князя в летописи «раздвигало» границы его жизни за те пределы, где кончался официальный статус,

позволяло, пусть пунктиром, но полностью наметить земную жизнь индивидуума. Показательно, что иногда летописцы уже не ограничиваются этим пунктиром. Под 1399 г. тверской летописец подробнейшим образом рассказал о пострижении князя Михаила Александровича, о кратком периоде его жизни в качестве монаха, наконец о выборе им места своего захоронения³⁴. В центре его внимания не просто завершение деятельности князя как официального лица, как эмблематической фигуры, а завершение жизни конкретного человека. Момент изменения статуса Михаила Александровича от князя к князю-монаху важен для летописца не как граница его интереса к этому человеку, а сам по себе, как момент «смены душевного состояния». Одновременность такого перехода от князя к монаху должна была вызывать интерес у людей того времени и сама по себе. Указание монашеского имени князя подчеркивало эту одновременность: сегодня — князь имярек, завтра — монах имярек.

Существенным в этом отношении был и новый принцип монашеского имянаречения «с имени» мирского. При этом акт пострижения уже не разрывал судьбу человека непреодолимым рубежом. Новое имя, пусть только своей первой буквой, указывало на единство истории индивидуума. В одну цепь связывалась не только земная жизнь князя, и затем князя-монарха, но и его посмертная «судьба»: ведь именно с этим именем ему предстояло вести посмертное существование.

Как видим, обнаруживаются параллели между процессами, происходящими в литературе, и более локальными явлениями в традиции монашеского имянаречения. Все эти сходные явления должны восходить, вероятно, к более глубоким процессам, происходящим в способе мировосприятия людей, в их ментальных установках. Независимо от того, что явилось поводом для изменения традиции имянаречения, можно предположить, что столь быстрое и повсеместное распространение нового правила отражает возникший интерес к судьбе конкретного индивидуума, независимый от их изменений, которые претерпевал его социальный статус. И если изменение правил имянаречения осознавалось и фиксировалось современниками, то возникновение этого интереса к судьбе человеческой личности оставалось, вероятно, неосознанным. Именно такие неосознанные установки и могли диктовать игуменам монастырей и тем людям, которых они постригали

в монахи, выбор имен в соответствии с новым, отвечающим этим установкам правилом.

Конечно, это только моя интерпретация приведенных выше фактов, интерпретация, которая может быть и малоудачной. Но в том, что касается монашеского имени Александра Невского, для нас важен сам факт такого перелома традиции, позволяющий, как кажется, судить об аутентичности имени, приведенного Владимирской редакцией. Если перед нами его подлинное монашеское имя, то оно должно быть наречено в соответствии с традицией, существовавшей до второй половины XIV в. — по памяти святого, приходящейся на день пострижения. Именно в соответствии с этой традицией было выбрано монашеское имя матери Александра Ярославича: Феодосия — Ефросинья³⁵. У нас нет оснований предполагать, что Александр Ярославич должен был поступить как-то иначе. Чтобы, согласно этой традиции, принять монашеское имя Алексей, Александр Ярославич должен был умереть либо около 17 марта, на память Алексея, человека Божия, либо около 9 августа, на память мученика Алексея. Однако нам известно, что Александр Невский постригся и умер 14 ноября³⁶, на память апостола Филиппа и царя Иустиниана. Именно одно из этих имен он должен был принять при пострижении. Что же касается имени Алексей, то оно, как мы убедились, явно выбрано в соответствии с позднейшим правилом, возникшим во второй половине XIV в. и к XVI в. ставшим уже традиционным. Вероятно владимирский книжник XVI в., ощутив потребность указать монашеское имя Александра Невского и не найдя этого имени в своих источниках, сам сконструировал его по правилам, казавшимся ему естественными.

¹ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 143.

² Там же. С. 121.

³ Православный церковный календарь. 1994 г. Издание Московской патриархии. 6 декабря.

⁴ Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., С. 121, 25 (2-ой пагинации).

⁵ См. там же. С. 163. См. также: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 360—362.

⁶ Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI—первая половина XIV в. С. 355—357.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. С. 125 (6689 г. + Ольга Юрьевна); ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 178 (6714 г. + жена Всеволода Юрьевича); Там же. С. 188 (6728 г. + вдова Константина Всеволодовича).

⁸ См., напр.: ПСРЛ. Т. 2. С. 143 (6702 г., + Святослав Всеволодович); Там же. С. 150 (6705 г., + Давид Ростиславич); ПСРЛ. Т. 1. С. 191. (6735 г., + Владимир (Дмитрий) Всеволодович); Там же. (6736 г., + Давыд Муромский); Там же. С. 203 (6766 г., + Олег Рязанский); ПСРЛ, СПб., 1913. Т. 18. С. 72 (6771 г., + Александр Ярославич); Там же. С. 73 (6777 г., + Дмитрий Ярославич); Там же. С. 85 (6812 г., + Даниил Александрович); Там же. С. 93 (6848 г., + Иван Данилович); Там же. С. 95 (6853 г., + Василий Давыдович); Там же. С. 99 (6863 г., + Константин Васильевич) и др.

⁹ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 134.

¹⁰ Там же. С. 84; См. также. ПСРЛ. СПб., 1846 г. Т. 1. С. 208.

¹¹ Православный церковный календарь. 1994. Издание Московской патриархии. 2 сентября.

¹² См. ниже, с. 19.

¹³ Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI—первая половина XIV в. С. 360.

¹⁴ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 238—239.

¹⁵ Ср. Мансикка В. Житие Александра Невского. С. 121.

¹⁶ ПЛДР. XIV—середина XV в. М., 1981. С. 300. На этот текст, а также на зависящий от него текст Никоновской летописи под 1244 г. впервые обратил внимание архиеп. Макарий. См.: Макарий, архиеп. История русской церкви. СПб., 1866. Т. V. Кн. 1. С. 291.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. С. 125; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888, С. 263; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Л., 1988. Ч. I. С. 25—26; ПЛДР. XIV—середина XV в. С. 294; ПСРЛ. Т. 18. С. 103, 126.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 115.

¹⁹ Там же. С. 134.

²⁰ Там же. С. 139.

²¹ Там же. С. 140.

²² Там же. С. 147.

²³ ПСРЛ. Т. I. С. 233 (6912 г.), 234 (6915, 6917, 6923 гг.).

²⁴ Обоснование датировки см.: Прохоров Г. М. Киприан (ок. 1330—16.IX.1406). // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. I. С. 466.

²⁵ РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 262.

²⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 111.

²⁷ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 74.

²⁸ Ср.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 26—27.

²⁹ Там же. С. 26.

³⁰ Ср.: Вениамин, архиеп. Новая Скрижаль. М., 1992. С. 403, 412.

³¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 147.

³² Лихачев Д. С. Литература времени национального подъема. // ПЛДР. XIV — середина XV века. С. 7.

³³ Ср.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 72—74.

³⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 145—148.

³⁵ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С. 263. ПСРЛ. Т. 10. С. 129.

³⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 72.